

ГОРИХВОСТКА

Очнулась сумрачная рань.
Слезой скатилась капля воска.
Воспрянь, душе моя, воспрянь:
Уже проснулась горихвостка!
На верхней ветке примостясь,
Под сенью горнего чертога
Ликует, в листьях не таясь, –
Так ждут Творца, так славят Бога.
Не страшен хвляющему суд –
Гряди юдолию земною!
Лишь в час, в который понесут,
Спой, горихвостка, надо мною!

* * *

Ты знаешь, конечно, о том,
что смертельно уставший
И жутко больной никогда
не становится в позу.
Однажды, наверно, я стану мудрее и старше,
Наш спор безрассудный
закончится в Божию пользу.
Не тем мы страдаем по жизни,
не тем себя лечим...
В душе обнажённой
расплачется Божья сиротка,

И с радостной болью признаю,
что крыть уже нечем,
И руки по швам опущу утомлённо и кротко.

Великое чудо: ещё улыбаются с неба,
В которое, верю, смотрела всегда
без лукавства;
И хлопья пушистые белого-белого снега
Падут на лицо моё самым желанным
лекарством.

93

ЯСТРЕБ

А когда на отчий край псы не лезли-то,
Не скрывало вороньё солнца ясного?!
Что ты ведал, милый друг, в жизни, если ты
Не держал ещё в руках птицу-ястреба?

Не видал его полёта быллинного,
Оперения рябого, кольчужного?
Он стрелой играет, словно былинкою,
Он чурается спокойствия чуждого!

Ястреб спит и видит зорькой рассветною
Золочёную хоругвь, поле чистое,
И хранит тепло плеча Пересветова
Сквозь столетья его лапа когтистая!

Эх, бывлые времена, невозвратные,
Промелькнули, словно сон, в Лету канули!

Покидали грешный мир люди ратные,
Но парили ястреба над курганами.

И сегодня, погляди, шутки в сторону,
Надвигается, зремит мгла зловещая.
Пусть над Родиной моей зорким сторожем
Зависает ястребок, птица вещая!

ВИШНИ

Предоставил октябрь денёк лишний:
Это надо же так – без дождя утро!
Я сажаю на заднем дворе вишни –
В сорок лет начинается жизнь будто.
Надо мной, завывая, гудит ветер;
Слабый кустик дрожит в наготы Ноя.
И никто не ответит на всём свете,
Отчего так тревожно в груди ноет.
Средь житейских невзгод и земных тягот
Ты тянись-принимайся, росток малый.
Я хочу, чтоб однажды твоих ягод
Непреренно набрали отец с мамой;
Чтобы жить им на этой земле долго
Даровал милосердно Господь Вышний.
В сорок лет начинается жизнь только –
Я сажаю на заднем дворе вишни.

* * *

Не говори, что время утекло, –
Оставь надежду, всяк сюда входящий.
Мерцает свет сквозь тусклое стекло,
И жив вовеки свет тот низводящий!
В руладах птиц, гудении шмелей
Дыханье мира призрачно и глухо;
Здесь терпкий запах клейких тополей
Разбавлен мглой сиреневого духа.
Бредёшь чредой оградок извитых –
Настигнет сердце горнее радушьё:
Тепло, тепло неявленных святых
Одарит лаской родственную душу.
И горизонт пресветел и лучист,
Росой подёрнет веки и ресницы.
Покой, покой. Не шелохнётся лист,
И с неба крестит Божия десница.
Вся суета земная позади,
И стрелок ход споткнулся, охнул, замер...
И Ксения на кладбище сидит
И смотрит ввысь разумными глазами.

Неправда, что павшим
достаточно памяти близких!
Доехать, дойти и коснуться рукою оградки.
В часы пред рассветом
покрыты росой обелиски –
Солдатские судьбы страны
в алфавитном порядке.
Где мокла пехота и двигалась техника юзом,
Теперь, погляди, забаяканы страшной годиной,
Спят тихо герои всех малых местечек Союза,
Прижавшись друг к другу,
как братья в утробе единой.
Ты станешь бояться, что всё переписуют иуды
И как-то иначе об этом расскажется в школах...
Но тысячи тысяч бойцов, погребённых повсюду!
Но дед мой, погибший в бою
за деревню Вашково!
А дома всё так же,
лишь чёрный платок наготове,
И век до могилы здесь мнится
особенно длинным –
Ещё не однажды Сибирь обернётся по-вдовьи
На сдавленный клич
новгородских полей журавлиных.

97

* * *

Пусть за резным окном так же цветёт сирень,
Машет вишнёвый сад белым своим крылом.
Господи, сотвори в Твой Невечерний день
Нашей большой родне сесть за одним столом,
Внуки моих детей, предки моих дедов,
Пусть за трапезой той всякий найдёт приют.
Буду идти, идти меж дорогих рядов,
Буду смотреть, смотреть,
слушать, о чём поют.
Пусть надо мной рука время совьёт в кольцо,
Канет в небытие смерти слепой оскал;
Станет так просто вдруг
каждого знать в лицо,
С каждым найти слова,
с каждым поднять бокал.
Всех вековых обид память сгорит дотла.
Нечего мне просить, только скажу: «Изволь,
Боже, остаться здесь, сесть во главу стола
И разделить-поесть с нами Твои хлеб-соль».

